

УДК 316.347(470.6)
ББК 60.545.1(235.7)
К 89

Е.С. Куква,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории этнокультурных проблем НИИ комплексных проблем ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет», г. Майкоп, тел.: +79286693012, e-mail: kukva@rambler.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РИСКОВ

(Рецензирована)

Аннотация: В статье анализируется одна из ключевых проблем социокультурного пространства северокавказского региона – взаимодействие традиционных и модернизационных трансформаций. Автор рассматривает их соотношение через призму социокультурных рисков. Идентификационные процессы – как значимый компонент социокультурного пространства региона – рассматриваются в контексте их адаптационных возможностей к социальным рискам. Одной из зримых перспектив их преодоления на Северном Кавказе является сохранение диалога на базе северокавказских, российских ценностей, укрепления российской идентичности.

Ключевые слова: социокультурное пространство, социокультурные риски, идентификационные процессы, Северный Кавказ.

E.S. Kukva,

Candidate of Sociology, Senior Researcher of Laboratory of Ethnocultural Problems in the Research Institute of Complex Problems, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79286693012, e-mail: kukva@rambler.ru

SOME ASPECTS OF FUNCTIONING OF NORTH CAUCASIAN SOCIETY IN THE CONDITIONS OF SOCIOCULTURAL RISKS

Abstract. In the paper, an analysis is made of one of the key problems of sociocultural space of the North Caucasian region, namely: the interaction of traditional and modernization transformations. The author examines their correlation through a prism of sociocultural risks. Identification processes, as a significant component of sociocultural space of the region, are considered in the context of their adaptation opportunities to social risks. One of the visible prospects of their overcoming in the North Caucasus is preservation of dialogue on the basis of North Caucasian and Russian values, and strengthening the Russian identity.

Keywords: sociocultural space, sociocultural risks, identification processes, the North Caucasus.

Социальные риски современного этапа развития Северного Кавказа. «Общество всеобщего риска» приобретает черты всеобщности все отчетливее. Часто анализ рисков, в том числе социокультурных, актуализируется в «условиях переходности». Переходное общество

характеризуется переходным характером всех элементов социальной системы от общества традиционного типа к современному, который порождает и противоречия в отношении восприятия социальных перемен, что обуславливает как противоречивость социального риска в переходном обществе, так и отношения к нему в обществе [1].

Одним из рискогенных пространств современной России является Северный Кавказ. «Предельная выраженность» этнического и конфессионального разнообразия у населения северокавказского региона в условиях его «осовременивания» обостряет восприятие социокультурных рисков, которые несет в себе модернизация.

Мегариски, глобальные и собственно российские риски, здесь дополняются конкретными региональными. Среди них важное место занимают *этнополитические* риски, такие как экстремизм, терроризм, национализм, ксенофобия, радикализация молодежи [2; 43–47; 3; 90–98]. Одной из зримых перспектив их преодоления является сохранение диалога на базе северокавказских, российских ценностей, укрепления российской идентичности.

Иная категория рисков – *социальные*: социальная и территориальная дифференциация, снижение качества жизни, безработица, криминализация, актуализирующая воспроизводство рисков, в том числе в молодежной среде.

Социокультурные риски вызваны распадом ценностной системы, деструкцией групповых культур, деидеологизацией современного поколения россиян. Также, по мнению О.Н. Астафьевой, к социокультурным относятся риски, связанные с глобализацией: «запаздывания» культурного развития, приводящие к информационно-коммуникативному неравенству; превышение объема и роли информационных потоков; утрата базовых характеристик этнических культур

и, соответственно, трансформация моделей этнокультурной идентичности; негативная самоорганизация и упущенные возможности в отсутствие культурной политики и многие другие [4; 5; 300–309].

Традиции и инновации в контексте социокультурных рисков. Известно, что существует два типа социокультурных трансформаций: традиционализация и модернизация. Традиционализация – переход от открытости к закрытости или большей закрытости общества путем создания или укрепления тех элементов культуры и социальной структуры, которые полнее обеспечивают приоритет предписанных норм и правил поведения субъектов по сравнению с возможной инициативой их действий. Модернизация – переход от закрытости к открытости общества или большей его открытости путем дифференциации и усложнения структуры общества, которая существенно расширяет свободу выбора и ответственность субъектов в соответствии с усложнением личности и возвышением ее потребностей.

Дихотомия традиционализма и модернизма на сегодняшний день является одной из тенденций взаимодействия на различных уровнях: межцивилизационном, международном, межкультурном.

Отношение к риску в традиционном обществе складывается негативное, поскольку любой риск связывается с определенным вызовом общественным устоям, нормам, традициям. Иное отношение складывается в обществе, подверженном процессу модернизации.

Традиция в современном социогуманитарном знании приобретает новое осмысление. Существует устоявшаяся точка зрения, согласно которой традиция понимается как механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних «обосновывается, узаконивается самим фактом их существования в прошлом, и традиционные действия

и отношения ориентированы не на достижение определенной цели и не на реализацию специально зафиксированной нормы, но на повторение прошлого образца» [6]. Изменения в общественном развитии привели к модификации содержания этого понятия. Под традицией стали понимать те фрагменты наследия (материального и духовного), которые «не просто сохраняются в настоящем, но и тесно переплетаются с ним» [7]. Однако коренные различия в отношении к традиции можно обнаружить с помощью выявления содержания функций традиций. Прежде всего, в традициях сосредоточена мудрость поколений, которые осуществляли отбор бытовавших в прошлом и заслуживающих внимания в настоящем норм, ценностей, идеалов, правил. Традиция – также источник законности, подтверждающий легитимность чего-либо. Она – основание коллективной идентичности, усиливающей чувство «общих корней». Наконец, традиция поддерживает общество в периоды кризиса, смягчает неудачи повседневного существования. Однако традиции несут в себе и функциональную амбивалентность. Так, традиции могут сдерживать творчество и новации, что влечет за собой стагнацию. Некоторые традиции дисфункциональны в силу своего специфического содержания и могут нести мощный деструктивный потенциал.

Отметим, что в периоды динамичной экспансии и успешного социального развития интерес к традициям ослабевает. В обществе господствуют активность, оптимизм, вера в прогресс, науку и технологию как инструменты рационального изменения мира. В такой идеологической атмосфере возникает антитрадиционализм, меняется отношение к риску. А периоды неустойчивости – стагнации и кризиса – экономического, политического, культурного – немедленно оживляют традиции, рискованные стратегии становятся неприемлемыми.

По выражению Э. Гидденса, традиции существуют и живут «традиционным способом»: признаются само собой разумеющимися, сохраняют активность на протяжении жизни поколений. Так было и есть в домодернизированных обществах. В век модернизации традиционное – изолированное и контекстуальное – существование наблюдается все реже [8].

Инновация, чаще понимаемая как новшество, нововведение технологического, научно-технического характера требует социокультурной интерпретации. Это специфический механизм формирования новых моделей, паттернов поведения, технологий, которые становятся предпосылками обновления общества и культуры.

Традиционное общество противопоставляется современному по ряду параметров: форме активности акторов социального действия (коллективизм и индивидуализм), отчетливости социальной структуры (диффузность и дифференциация), способу осмысления реальности (эмоциональность и рациональность), способу взаимодействия вовне (контекстуальность, изолированность и экспансия). В результате поисков философского основания традиционного общества А.С. Ахиезер определил, что стержневым параметром любого общества является его открытость или закрытость, а расхождения между всеми формами открытости и закрытости определены через ориентацию на прошлое или будущее. С этих позиций традиционное закрытое общество обладает следующими чертами: «оно направлено против инноваций, превышающих некоторый статичный порог. Система отношений этого общества – не только результат воспроизводства традиционной программы, но и гарантия их сохранения от источников несанкционированных инноваций». А специфика традиционализма – не в отсутствии инноваций,

а в господстве ценности статичности, что выражается в «жесткости фильтра новшества, узости шага новизны, подавлении всего, что выходит за допустимые рамки» [9].

Бинарность «традиция – инновация» требует преодоления поляриности и новой интерпретации через идею диалога. В современной социокультурной ситуации понятие диалога становится ключевым в философско-антропологической, социально-философской, культурологической, педагогической, эстетической концепциях. Преимущество, опора на собственные традиции необходимы для любого общества, желающего обеспечить свою стабильность и идентичность. При таком подходе традиция как параметр порядка становится равноправным участником диалога нового и старого, чем обеспечивает самобытность самого процесса изменения, развития.

Такой взгляд в большей степени приложим к регионам России, прежде всего, к полиэтничному Северному Кавказу, где местами практически в первозданном виде сохранились глубинные пласты самобытной культуры, которые сегодня воспринимаются не как нечто уходящее, а, напротив, в аспекте духовного обновления несут в себе актуальную духовную нагрузку. Несомненно, идентичность, имеющая основанием традиционный компонент, не может в полном смысле стать критерием современности общества.

Диалогичная, точнее компромиссная, позиция относительно поляриности «традиция – современность» высказана Э. Гидденсом. По его мнению, традиции не ушли с модернизацией, а вовлечены в симбиотическую связь с современностью и продолжают жить в самых модернизированных обществах. «Сделка» между традиционностью и современностью произошла в компромиссе между публичной и частной сферами. Социально-политическая (публичная) сфера – демократия, экономика – ушла

далеко от традиционности, в приватной сфере – семье, сексуальности – она только усугубилась [10].

Вслед за классиком об этом же рассуждает Э.А. Паин, полагая, что существует два разных феномена – традиционализм социально-политический и культурный и что есть немало примеров того, как общества чрезвычайно бережно относятся к своему этнокультурному наследию, одновременно демонстрируя высокую склонность к экономической и социально-политической модернизации [11]. Культурный традиционализм при таком подходе не только не препятствует развитию модернизационных структур, но и является одним из условий модернизации.

Идентификационные процессы и адаптация к социокультурным рискам. Плодотворное, на наш взгляд, соотнесение традиционности и модернизированности проявляется в идентификации этнических групп. Специфика идентичности как многоуровневого иерархичного образования в рассматриваемом континууме «традиционность – современность» проявляется через сосуществование традиционных субэтнической, этнической (объекты идентификации – род, субэтнос, этнос), региональной и современной национальной (объект идентификации – нация) идентичностей.

Но ряд объективных факторов, таких как нахождение северокавказского региона в российском государственном пространстве, неумолимая модернизация (индустриализация, урбанизация), вовлечение всех обществ в глобализирующуюся мировую цивилизацию, не могут оставить населяющие регион народы в их исконном состоянии. Медленно, но достаточно последовательно веяния модернизации трансформируют общества и культуры, регион в целом. Отсчет модернизации на Северном Кавказе можно начинать со включения региона в государственно-политические

отношения с Российским государством, с межэтническими контактами с русским населением, наибольшая интенсивность которых наблюдалась в советские годы. По мнению экспертов, сейчас Северный Кавказ вступил в фазу «стадиальной модернизации и, прежде всего, бурной урбанизации республик» [12]. Однако здесь оправданно будет проанализировать положение, согласно которому социально-политическая и культурная модернизации не совпадают. Применительно к народам Северного Кавказа и в целом региона можно говорить о том, что социально-политическая модернизация отчетливо прослеживается, в то время как модернизация культуры, хотя и имеет свои проявления, недостаточно очевидна.

Культура в большей степени остается традиционной. Регенерация традиционных социальных институтов, механизмов и связей – это одна из граней активизации этнической идентичности. Связь традиций и этничности на Северном Кавказе вполне естественна, поскольку последняя здесь практически полностью соответствует матрице традиционной социокультурной системы. Тем не менее, конфигурации групповой и индивидуальной идентичностей, а равно и идентификационные процессы выглядят

как множественные, многоуровневые, эклектичные, фрагментирующиеся на всех уровнях. Регулярно возникают новые идентификации, в том числе постмодернистские, складывающиеся под влиянием нового пространства – виртуального, сетевого [13; 230–236].

Более того, эксперты обращают внимание, что при кажущейся традиционности и архаичности общественных отношений, Северный Кавказ – это один из самых динамичных регионов России. В связи с этим необходимо обращать особое внимание на динамику современных межэтнических и конфессиональных процессов [14]. Потенциал риска этих процессов весьма значим.

В свете обозначенных концепций представляется, что северокавказское общество нельзя однозначно определить как традиционное, тем более как модернизационное. Оно существует и саморазвивается в пространстве «традиционность – современность», с разной силой тяготея к тому или иному полюсу своими отдельными секторами. Как мы уже отмечали, устойчивость этнических паттернов традиционной культуры лишь в большей степени усиливает самобытность и динамику процесса «осовременивания» Северного Кавказа и адаптирует его к социокультурным рискам.

Примечания:

1. Яницкий О.Н. Модернизация России и региональные проблемы в условиях новых глобальных вызовов и угроз // Блог О. Яницкого. URL: www.isras.ru/blog_yan_68.html (дата обращения 10.05.2015).
2. Аствацатурова М.А. Российская и гражданская идентичность в современной общественно-политической повестке Северо-Кавказского федерального округа // Этнопанорама. 2012. № 3–4.
3. Авксентьев В.А., Лукичев П.Н., Тарасова Т.Т. Социально-политические настроения молодежи Юга России: риски радикализации. // Вестник ЮНЦ РАН. 2014. Том 10, № 1. С. 90–98.
4. Астафьева О.Н. Культурно-цивилизационные грани глобализации // Глобализация: учебник / под общ. ред. В.А. Михайлова, В.С. Буянова. М.: Изд-во РАГС, 2008.
5. Шадже А.Ю. Влияние социокультурных рисков на идентификационные процессы // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 4.
6. Левада Ю.А. Традиция // Философская энциклопедия. Т. 5. М.: Большая сов. энциклопедия, 1970.

7. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 418 с.
8. Giddens A. The Director's Lecture // *Ranaway World: The Peith Lectures revizited. Lecture 3.* 1999. 24 Nov. URL: <http://www.bbc.co.uk/radio4/reith1999/lecture3.shtml> (Пдата обращения 10.05.2015).
9. Ахиезер А.С. Как «открыть» закрытое общество. М.: Магистр, 1997. 40 с.
10. Giddens A. Op. cit.
11. Паин Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003.
12. Выступление руководителя Центра этнополитических и региональных исследований Эмиля Паина... 2011 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/11838> (проверено 10.05.2015).
13. Шадже А.Ю., Куква Е.С., Хацац А.А. Влияние сетевых практик на идентификационные процессы в молодежной среде в условиях социокультурных рисков // *European social science Journal.* 2013. № 5.
14. Состояние научной экспертизы по проблемам этнической истории, культуры, межэтнических и конфессиональных отношений в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад / под ред. В.А. Тишкова. М.; Пятигорск: ИЭА РАН: Изд-во ПГЛУ, 2013. 90 с.

References:

1. Yanitsky O.N. Modernization of Russia and regional problems in the face of new global challenges and threats – Blog of O. Yanitsky. URL: www.isras.ru/blog_yan_68.html (Checked on 10.05.2015).
2. Astvatsaturova M.A. Russian and civic identity in contemporary social and political agenda of the North Caucasus Federal District // *Etnopanorama.* 2012. No. 3–4.
3. Avksentyev V.A., Lukichev P.N., Tarasova T.T., Sushchiy S.Ya., Shulga M.M. Socio-political attitudes of youth in Southern Russia: risks of radicalization. // *Bulletin of YuNTs RAS.* 2014. V. 10. No. 1. P. 90–98.
4. Astafyeva O.N. Cultural and civilizational facets of globalization. – *Globalization: A textbook* (ed. by V.A. Mikhailov and V.S. Buyanova). M.: RAGS publishing house, 2008.
5. Shadzhe A.Yu. Influence of socio-cultural risks on the identification processes. – *Socio-humanitarian knowledge.* 2014. No. 4.
6. Levada Yu.A. Tradition. – *Encyclopedia of Philosophy.* V. 5. M.: BSE publishing house, 1970.
7. Sztompka P. *Sociology of social change.* M.: Aspect Press, 1996. 418 pp.
8. Giddens A. The Director's Lecture. *Ranaway World: The Peith Lectures revizited. Lecture 3.* 1999. 24 Nov. URL: <http://www.bbc.co.uk/radio4/reith1999/lecture3.shtml> (Checked on 10.05.2015).
9. Akhiezer A.S. How “to open” a closed society. M.: Magistr, 1997. 40 pp.
10. Giddens A. Op. cit.
11. Pain E.A. *Between Empire and Nation: Modernist project and its traditionalist alternative to the national policy of Russia.* M.: Liberal Mission Fund. 2003.
12. The speech of Emil Pain, the head of the Center for Ethno-Political and Regional Studies ... 2011. URL: <http://www.kremlin.ru/news/11838> (checked on 05.10.2015).
13. Shadzhe A.Yu., Kukva E.S., Khatsats A.A. Influence of network practices on the identification processes in the youth environment under social and cultural risks // *European social science journal.* 2013. No. 5.
14. The state of scientific expertise on the problems of ethnic history, culture, ethnic and confessional relations in the North Caucasus Federal District. An expert report / Ed. by V.A. Tishkov. M.: IEA RAS; Pyatigorsk: PSLU publishing house, 2013. 90 pp.